

ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ПЕЧАТЬ
НЕБЕСНОГО БОГА

Том 1: Клеймо отброса.

Ярослав Северцев

Печать небесного Бога.

Том 1. Клеймо отброса

<https://litres.ru/74457124>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где культиваторы бессмертных смотрят на обычных людей как на грязь под подошвами своих шелковых туфель, у семнадцатилетнего Вэй Лина не было ни единого шанса. Сын покалеченного кузнеца с окраины Синьяна, парень с полностью забитыми от рождения духовными каналами — в глазах великих кланов он был лишь «мусорным червем». И когда высокомерный гений местной секты решает забрать единственное, что было дорого Вэй Лину, — его судьба кажется предопределенной. У нищего ремесленника есть только два пути: смириться и сгнить в нищете или совершить самоубийство, шагнув в проклятый Магический Лес, откуда еще никто не возвращался живым. Вэй Лин выбирает безумие. Но там, в непроглядной тьме древних расщелин, вместо смерти его ждало то, что заставит содрогнуться весь обитаемый мир. Древнее запечатанное наследие, утерянные миллионы лет назад запретные техники и ярость существа, чье имя когда-то гремело над небесами, вливаются в его меридианы.

Ярослав Северцев

Печать небесного Бога.

Том 1. Клеймо отброса

Глава 1: Клеймо отброса

Семнадцать лет Вэй Лин знал мир лишь по запаху дешевого угля и раскаленного железа. Культиваторы для него были теми, кто пролетал над крышами Синьяна, не пачкая шелковых подошв, и кто никогда не смотрел в глаза сыну кузнеца.

Окраина города задыхалась от сырости. Вэй Лин опустил тяжелый молот на полосу низкосортного железа. Искры брызнули в лицо, на мгновение осветив худощавое, бледное лицо и пропотевшую рубаху. Руки были покрыты старыми мозолями и свежими ожогами, а под левым глазом наливался темный синяк — утреннее «напоминание» от сыновей местного мясника.

— Лин-эр, отдохни, — из глубины мастерской раздался надсадный кашель. Старый Вэй сидел на низком табурете, пытаясь перевязать искалеченную руку дрожащими пальцами. После того как банда бродячих практиков разграбила их обоз, отец остался калекой с разбитыми меридианами. — Ты махаешь молотом с самого рассвета. Твое тело не железное.

— Все в порядке, отец. — Вэй Лин утер пот предплечьем,

стараясь не смотреть на трясущиеся руки старика. — Нужно закончить до полудня, иначе староста опять урежет плату. Голос хрипел от угольной пыли.

Закончив работу, Вэй Лин бережно завернул инструменты в грубую мешковину и вышел на улицу. В центре города блистали черепичные крыши поместий великих кланов, над которыми то и дело пролетали на сияющих мечях мастера, оставляя в небе легкий шлейф чистой энергии ци. Здесь же, на окраине, пахло гнилой соломой и нечистотами.

Вэй Лин старался идти быстро, опустив голову. Но стоило ему свернуть в узкий переулок, как дорогу ему преградили трое молодых людей в чистых шелковых одеждах. Это были послушники местной школы боевых искусств — дети зажиточных торговцев.

— О, глядите-ка, кто это у нас ползет? Мусорный червь из кузни! — донесся высокий голос. Возглавлял троицу Чэнь Бо, плотный парень с тяжелой челюстью. Он уже достиг первой стадии Закалки Тела и носил эту заслугу на лице, как клеймо.

— Мне нужно доставить заказ, пропустите, — глухо произнес Вэй Лин, не поднимая глаз.

— Пропустить? — Чэнь Бо рассмеялся. — А где твоя вежливость, ничтожество? Ты забыл, как нужно приветствовать будущих мастеров? На колени.

Вэй Лин не опустился на колени. Он медленно поднял голову. В глазах не было ни страха, ни мольбы — только тяже-

лая, неподвижная усталость, от которой у Чэнь Бо дернулся глаз.

— Ах ты щенок! — Чэнь Бо сделал резкий выпад. Его кулак, окутанный мутной сероватой дымкой слабой ци, врезался Вэй Лину в грудь.

Удар практика Закалки Тела выбил воздух из легких. Ноги оторвались от земли, и он сильно ударился спиной о каменную стену, сползая в грязь. Сверток с инструментами вылетел из рук, с грохотом рассыпавшись по мостовой.

— Хлам ковал, хламом и остался, — сплюнул Чэнь Бо, наступая тяжелым сапогом на пальцы распростертого парня и с силой вдавливая их в острые камни. Вэй Лин закусил губу до крови, чтобы не закричать. — Еще раз увижу такой взгляд — сломаю твои рабочие руки, понял?

Они ушли, пиная разбросанные мотыги и смеясь. Вэй Лин остался лежать в грязи. Боль в раздавленных пальцах пульсировала, отдавая в плечо. Он медленно, преодолевая слабость, поднялся на колени и стал собирать инструменты. В этом мире без силы ты был просто грязью под ногами.

Он очистил одежду, закончил доставку, выслушав ругательства от недовольного старосты за задержку, и побрел к восточным воротам города. Ему нужно было побыть одному. Туда, где начинались сады великих кланов, обычным людям ход был заказан, но Вэй Лин знал одну тропинку у подножия холма, откуда открывался вид на цветущие вишневые аллеи.

Там, среди весеннего благоухания, мир казался другим. И

там была она.

Су Мэйлинь. Дочь главы клана Су. Девушка, чья красота заставляла старейшин секты говорить о ней с придыханием. Вэй Лин затаил дыхание, когда увидел ее силуэт на террасе у пруда с лотосами. На ней было легкое бирюзовое платье, расшитое серебряными нитями. Она практиковала движения с веером, и вокруг нее закручивались аккуратные, кристально чистые потоки воздушной ци.

Внезапно Мэйлинь остановилась. Она обернулась, и ее строгие, привычно отстраненные черты дрогнули, когда она увидела Вэй Лина, робко стоящего за кустами дикой розы.

— Лин? — тихо произнесла она. Ее голос прозвучал как звон серебряных колокольчиков. Она сделала несколько быстрых шагов к ограде террасы. — Ты снова пришел. Но... что с твоим лицом? И твои руки...

Она заметила ссадины и распухшие, грязные пальцы. Мэйлинь прикусила нижнюю губу, ее тонкие брови сошлись на переносице.

— Ничего страшного, Мэйлинь. Просто упал в кузне, — попытался улыбнуться Вэй Лин, пряча руки за спину. Ему было невыносимо стыдно представать перед ней в таком виде.

— Опять Чэнь Бо? — догадалась она, и в ней проснулась властность наследницы великого клана. — Я прикажу страже...

— Нет, не нужно! — перебил ее Вэй Лин, а затем тише до-

бавил: — Пожалуйста. Если твой клан узнает, что ты засту-
паешься за сына ремесленника, тебе не поздоровится. Твой
отец и так ищет повод запретить тебе выходить к садам.

Мэйлинь опустила голову. Пропасть между ними была
размером с Великое Небо. Их редкие, тайные встречи у этой
ограды были чудом, которое могло оборваться в любой мо-
мент.

— Мой отец... — Мэйлинь запнулась, ее голос дрогнул.
— Вчера к нам приезжали сваты из клана Ван. Глава Ван
хочет заключить союз. Их старший сын, Ван Тэн, зачислен во
внутренний круг Секты Четырех Стихий. Отец склоняется
к согласию.

Эти слова повисли в воздухе. Ван Тэн. Высокомерный ге-
ний, который смотрел на всех как на насекомых.

— Когда? — едва слышно спросил Вэй Лин.

— Через три месяца, в день Праздника Серебряной Луны,
будет оглашена помолвка, если Ван Тэн привезет в подарок
ядро магического зверя третьего ранга. — Мэйлинь посмот-
рела прямо в глаза Вэй Лину. — Лин, мне страшно.

Вэй Лин смотрел на нее. Бессилие сменилось холодной,
расчетливой яростью.

— Он не получит тебя, Мэйлинь, — твердо сказал парень.
— Я докажу твоему отцу, что я не отброс. Я принесу тебе
подарок, который затмит любые дары Ван Тэна.

— Лин, нет! Что ты задумал? Не делай глупостей! — ис-
пуганно воскликнула Мэйлинь, протягивая к нему руку че-

рез перила, но Вэй Лин уже отступил назад, растворяясь в тенях деревьев.

Он принял решение. В тридцати ли от города начинался Магический Лес — проклятое, темное место, куда не осмеливались ходить даже опытные практики в одиночку. Там, по слухам, на самой высокой Одинокой Скале гнездилась легендарная Громовая Птица. Ее яйцо обладало невероятной ценностью.

Это было безумие. Самоубийство для обычного человека. Вэй Лин посмотрел на свои окровавленные руки, сжал их в кулаки и повернул на восток. У него не было выбора. Либо он сгниет в этих переулках, либо попробует выковать себе судьбу сам.

Запах раскаленного горна и дешевого древесного угля преследовал Вэй Лина столько, сколько он себя помнил. Культиваторы для него были теми, кто пролетал над крышами Синьяна, не пачкая шелковых подошв, и кто никогда не смотрел в глаза сыну кузнеца.

Окраина города задыхалась от сырости. Вэй Лин опустил тяжелый молот на полосу низкосортного железа. Искры брызнули в лицо, на мгновение осветив худощавое, бледное лицо и пропотевшую рубаху. Руки были покрыты старыми мозолями и свежими ожогами, а под левым глазом наливался темный синяк — утреннее «напоминание» от сыновей местного мясника.

— Лин-эр, отдохни, — глухой кашель раздался из глуби-

ны мастерской. Старый Вэй сидел на низком табурете, пытаясь перевязать дрожащими пальцами искалеченную руку. Когда-то он был мастером средней руки, но после того как банда бродячих практиков разграбила их обоз, остался калекой с разбитыми меридианами. — Ты махаешь молотом с самого рассвета. Твое тело не железное.

— Все в порядке, отец. Нужно закончить заказ до полудня, иначе староста опять урежет плату, — тихо ответил Вэй Лин, утирая пот со лба тыльной стороной ладони.

Закончив работу, он бережно завернул инструменты в грубую мешковину и вышел на улицу. В центре города блистали черепичные крыши поместий великих кланов, над которыми то и дело пролетали на сияющих мечах мастера, оставляя в небе легкий шлейф чистой энергии ци. Здесь, на окраине, пахло гнилой соломой и нечистотами.

Вэй Лин старался идти быстро, опустив голову. Но стоило ему свернуть в узкий переулок, как дорогу преградили трое молодых людей в чистых шелковых одеждах. Послушники местной школы боевых искусств — дети зажиточных торговцев.

— О, глядите-ка, кто это у нас ползет? Мусорный червь из кузни! — донесся высокий голос. Возглавлял троицу Чэнь Бо, плотный парень с тяжелой челюстью. Он уже достиг первой стадии Закалки Тела и носил эту заслугу на лице, как клеймо.

— Мне нужно доставить заказ, пропустите, — глухо про-

изнес Вэй Лин, не поднимая глаз.

— Пропустить? — Чэнь Бо рассмеялся, и его спутники подхватили хохот. — А где твоя вежливость, ничтожество? Ты забыл, как нужно приветствовать будущих мастеров? На колени.

Вэй Лин поднял голову. В его темных глазах не было ни страха, ни мольбы — только тяжелая, неподвижная усталость. Чэнь Бо невольно сделал шаг назад, а потом, почувствовав это, разозлился еще сильнее.

— Ах ты щенок! Как ты смеешь так смотреть на меня?! — Он сделал резкий выпад. Его кулак, окутанный едва заметной мутной дымкой слабой ци, врезался Вэй Лину в грудь.

Удар практика Закалки Тела для обычного человека был подобен удару тарана. Воздух с сипением вырвался из легких. Ноги оторвались от земли, и он сильно ударился спиной о каменную стену, сползая в грязь. Сверток с инструментами вылетел из рук, с грохотом рассыпавшись по мостовой.

— Хлам ковал, хламом и остался, — сплюнул Чэнь Бо, наступая тяжелым сапогом на пальцы распростертого парня и с силой вдавливая их в острые камни. Вэй Лин закусил губу до крови, чтобы не закричать. — Еще раз увижу такой взгляд — сломаю твои рабочие руки, понял?

Они ушли, пиная разбросанные мотыги и смеясь. Вэй Лин остался лежать в грязи. Боль в раздавленных пальцах пульсировала, отдавая в плечо. Он медленно, преодолевая слабость, поднялся на колени и стал собирать инструменты.

Он очистил одежду, закончил доставку, выслушав ругательства от недовольного старосты за задержку, и побрел к восточным воротам города. Ему нужно было побыть одному. Туда, где начинались сады великих кланов, обычным людям ход был заказан, но Вэй Лин знал одну тропинку у подножия холма, откуда открывался вид на цветущие вишневые аллеи.

Там, среди весеннего благоухания, мир казался другим. И там была она.

Су Мэйлинь. Дочь главы клана Су — одного из трех великих столпов Синьяна. Вэй Лин затаил дыхание, когда увидел ее силуэт на террасе у пруда с лотосами. На ней было легкое бирюзовое платье, расшитое серебряными нитями. Она практиковала движения с веером, и вокруг нее закручивались аккуратные, кристально чистые потоки воздушной ци.

Мэйлинь остановилась. Обернулась, и ее строгие черты дрогнули, когда она увидела Вэй Лина, робко стоящего за кустами дикой розы.

— Лин? — тихо произнесла она. Она сделала несколько быстрых шагов к ограде террасы. — Ты снова пришел. Но... что с твоим лицом? И твои руки...

Она заметила ссадины и распухшие, грязные пальцы. Тонкие брови девушки сошлись на переносице.

— Ничего страшного, Мэйлинь. Просто упал в кузне, — попытался улыбнуться Вэй Лин, пряча руки за спину.

— Опять Чэнь Бо? — догадалась она, и в голосе прорезалась властность наследницы клана. — Я прикажу страже...

— Нет, не нужно, — перебил ее Вэй Лин, а затем тише добавил: — Пожалуйста. Если твой клан узнает, что ты заступаешься за сына ремесленника, тебе не поздоровится. Твой отец и так ищет повод запретить тебе выходить к садам.

Мэйлинь опустила голову. Их редкие, тайные встречи у этой ограды были чудом, которое могло оборваться в любой момент.

— Мой отец... — она запнулась, голос дрогнул. — Вчера к нам приезжали сваты из клана Ван. Они привезли дары. Глава Ван хочет заключить союз. Их старший сын, Ван Тэн, зачислен во внутренний круг Секты Четырех Стихий. Отец склоняется к согласию.

Ван Тэн. Высокомерный гений, который смотрел на всех как на насекомых.

— Когда? — едва слышно спросил Вэй Лин.

— Через три месяца, в день Праздника Серебряной Луны, будет оглашена помолвка, если Ван Тэн привезет в подарок ядро магического зверя третьего ранга, чтобы доказать свою силу. — Мэйлинь посмотрела прямо в глаза Вэй Лину. — Лин, мне страшно.

Вэй Лин смотрел на нее. Бессилие сменилось холодной, расчетливой яростью.

— Он не получит тебя, Мэйлинь, — твердо сказал парень. — Я докажу твоему отцу, что я не отброс. Я принесу тебе подарок, который затмит любые дары Ван Тэна.

— Лин, нет! Что ты задумал? Не делай глупостей! — ис-

пуганно воскликнула Мэйлинь, протягивая к нему руку через перила, но Вэй Лин уже отступил назад, растворяясь в тенях деревьев.

В тридцати ли от города начинался Магический Лес — проклятое, темное место, куда не осмеливались ходить даже опытные практики в одиночку. Там, по слухам, на самой высокой Одинокой Скале гнездилась легендарная Громовая Птица. Ее яйцо обладало невероятной ценностью, способной поднять культивацию мастера на целый уровень.

Это было безумие. Самоубийство для обычного человека. Вэй Лин посмотрел на свои окровавленные руки, сжал их в кулаки и повернул на восток.

Глава 2: Недостигаемая звезда

Возвращение в отцовскую кузню напоминало спуск в преисподнюю после мимолетного визита в чертоги бессмертных. Вэй Лин шел по темнеющим улицам Синьяна, механически переставляя ноги. В его ушах все еще звенел хрустальный голос Мэйлинь, а перед глазами стоял ее испуганный, полный скрытых слез взгляд.

«Через три месяца... В день Праздника Серебряной Луны», — эти слова метрономом стучали в его висках, отсчитывая время до краха всего, что было ему дорого. Всего девяносто дней отделяли девушку, которую он боготворил, от превращения в живой товар для укрепления могущества двух кланов.

Когда он переступил порог мастерской, горн уже почти остыл. Угли едва заметно мерцали багровым цветом в полумраке, бросая длинные, уродливые тени на закопченные стены. Старый Вэй сидел за деревянным столом, тупо уставившись на щербатую пиалу с остывшей жидкой рисовой кашей. Его искалеченная рука, замотанная серой тряпкой, безжизненно лежала на коленях.

— Ты долго, Лин-эр, — тихо произнес отец, не поднимая головы. Его плечи казались еще более сгорбленными, чем обычно. — Староста приходил. Сказал, что ты принес помятые инструменты. Срезал половину платы. Опять...

Вэй Лин замер у порога. Сердце сжалось от острой, болезненной жалости к этому человеку, который когда-то был сильным и гордым, но был сломан безжалостными жерновами этого мира. Чэнь Бо и его банда не просто избили Вэй Лина — они отняли у его семьи возможность нормально пожить в ближайшие дни.

— Извини, отец, — Вэй Лин подошел ближе и положил руку на сухое, костлявое плечо старика. — На меня напали люди Чэнь Бо. Я не смог защитить товар.

Старый Вэй тяжело вздохнул, и этот вздох перешел в сухой, лающий кашель. Он поднял на сына свои тусклые, слезящиеся глаза, в которых читалось лишь глухое, беспросветное отчаяние.

— Практики... — прохрипел он, сплевывая на земляной пол крованистую сгустку. — Проклятые культиваторы. Для

них мы хуже скота, Лин-эр. Не связывайся с ними. Держи голову ниже. Нам нужно просто дожить свой век. Не смотри на небо, сынок, упадешь и разобьешься.

Вэй Лин промолчал. Он не стал говорить отцу, что уже посмотрел на небо. И что теперь готов прыгнуть в бездну, лишь бы достать до этого неба рукой.

Ночью, когда старик уснул, оглашая маленькую комнатку тяжелым, прерывистым хрипом, Вэй Лин не ложился. Он сел на циновку в углу и начал готовиться к тому, что любой здравомыслящий житель Синьяна назвал бы чистым самоубийством.

У него не было изящных артефактов, защитных талисманов или целебных пилюль, которые гордые молодые мастера брали с собой на охоту. Все его снаряжение состояло из вещей, которые он смог найти в кузне. Он выбрал самый прочный, трижды перекованный охотничий нож с тяжелым лезвием — единственное ценное оружие, оставшееся от прежних запасов отца. Наточил его на бруске до такой степени, что лезвие бесшумно сбрасывало волоски на предплечье.

Затем он нашел старую, но крепкую пеньковую веревку длиной около двадцати локтей, которую кузнецы использовали для подъема тяжелых бревен, и три железных клина. Если ему придется лезть на Одинокую Скалу за яйцом Громовой Птицы, эти примитивные инструменты будут его единственной страховкой между жизнью и смертью. В кожаный мешочек на поясе он насыпал немного соли, сушеных

лепешек, которые они с отцом пекли раз в неделю, и завернул флягу с колодезной водой.

Закончив сборы, парень сел на пороге кузни, глядя на далекие, залитые лунным светом вершины туманных гор. Где-то там, у их подножия, за плотной стеной вековых деревьев скрывался Магический Лес. Даже отсюда, из безопасного города, казалось, можно было почувствовать ту тяжелую, давящую ауру, которая исходила от тех первозданных земель. Обычные люди верили, что этот лес — пасть древнего чудовища, готовая пожрать любого, кто переступит невидимую черту.

«Завтра», — подумал Вэй Лин, крепче сжимая рукоять ножа. — «Завтра все изменится. Или я погибну, или перестану быть червем».

На следующее утро, едва первые лучи солнца коснулись черепичных крыш богатых кварталов, Вэй Лин уже стоял у восточных ворот Синьяна. Город только просыпался. Сонные стражники в легких кожаных доспехах лениво зевали, опершись на копья. На парня с грязным холщовым мешком через плечо никто не обратил внимания — мало ли нищих бедолаг уходит на рассвете собирать хворост или дикие корни у подножия холмов.

Дорога к границе леса заняла почти четыре часа. Чем дальше Вэй Лин уходил от города, тем реже становились крестьянские поля, уступая место заброшенным пустошам, заросшим колючим кустарником и высокой, пожелтелой тра-

вой. Воздух постепенно менялся: он становился более прохладным, влажным и каким-то... густым. Вэй Лин, чьи духовные каналы были забиты от рождения, не мог видеть ци, но даже его неразвитое тело чувствовало, как эта дикая, первобытная энергия давит на грудь, затрудняя дыхание.

Вскоре перед ним выросла Стена. Так местные жители называли границу Магического Леса. Деревья здесь были колоссальных размеров — их стволы, покрытые серым, словно окаменевшим мхом, уходили ввысь на десятки чжанов, а переплетенные кроны почти полностью закрывали небо, создавая внизу вечный, зловещий полумрак. Из глубины чащи доносились странные, ни на что не похожие звуки: глухое рычание, свист, от которого закладывало уши, и треск ломающихся ветвей.

Вэй Лин остановился в нескольких шагах от опушки. Его сердце бешено колотилось в груди, словно пойманная птица. Руки, привыкшие к тяжелому молоту, сейчас мелко дрожали. Страх — древний, инстинктивный страх перед неизвестным и превосходящим — сковал его тело. Один шаг. Всего один шаг отделял его от привычного, пусть и унижительно-го мира, где его бьют, но оставляют жить, от места, где его жизнь не стоит и ломаного гроша.

В этот момент в его памяти снова всплыло лицо Ван Тэна — молодого гения клана Ван, которого он мельком видел на городской площади несколько недель назад. Ван Тэн ехал на белоснежном коне, его шелковые одежды сияли чистотой,

а на лице застыла маска ленивого превосходства. Весь город кланялся ему. И этот человек заберет Мэйлинь. Он будет прикасаться к ней, он сделает ее своей тенью.

— Нет... — прошептал Вэй Лин.

Страх внутри него мгновенно выгорел, уступив место чистой, концентрированной ярости. Гордость, которую в нем годами втапывали в грязь, восстала с новой, невиданной силой. Он не вернется назад нищим калекой.

Парень поправил лямку мешка, перехватил поудобнее охотничий нож и сделал шаг вперед, переступая невидимую границу между миром людей и миром монстров. Смертоносная чаша Магического Леса сомкнулась за его спиной, поглотив его хрупкий силуэт в своих вечных, безмолвных тенях.

Глава 3: Пасть зверя

Первые два часа в Магическом Лесу Вэй Лин считал шаги. Это было единственное, что удерживало его от паники: один, два, три — пока не сбивался. Сбивался часто.

Лес не походил ни на один из тех, что он видел на дровяных вырубках за городом. Деревья стояли так плотно, что кроны смыкались над головой сплошным потолком. Внизу царил постоянный сумрак, будто вечные поздние сумерки. Воздух был влажным, тяжелым, с привкусом гнили и чего-то сладковатого, от чего слегка кружилась голова. Каждый вдох давался с усилием, словно легкие пытались отфильтровать

самую атмосферу.

Вэй Лин держал нож перед собой, хотя понимал, что против любого настоящего зверя этот кусок железа — зубочистка. Он шел медленно, проверяя землю перед каждым шагом: отец когда-то рассказывал, что в диких местах самые опасные твари прячутся не на деревьях, а под слоем опавших листьев.

Первая неприятность случилась на третьем часе.

Он наступил на что-то мягкое, и земля под ногой поддалась. Не яма — хуже. Корни. Толстые, узловатые корни, покрытые бледной слизью, шевельнулись. Не быстро, не драматично — просто сдвинулись на дюйм, обвивая щиколотку. Вэй Лин дернул ногой, и корень сжался чуть сильнее. Без паники, без злобы. Как удав, которому лень торопиться.

Он присел, сунул лезвие ножа между корнем и кожей. Лезвие вошло с трудом — древесина была тверже, чем выглядела. Пришлось пилить короткими движениями, чувствуя, как холодная слизь стекает по пальцам. Корень разжался. Вэй Лин отполз на четвереньках, встал только в пяти шагах и долго смотрел на свои ботинки, проверяя, не осталось ли на них чего-нибудь живого.

После этого он перестал считать шаги.

К полудню — или к тому, что он принимал за полдень, потому что сквозь кроны не проникал ни один солнечный луч — он нашел ручей. Вода была прозрачной, с легким голубоватым отсветом, и пахла не гнилью, а камнем. Вэй Лин

знал, что в Магическом Лесу не всякая вода безопасна, но фляга опустела еще час назад, а во рту пересохло так, что язык прилипал к нёбу. Он зачерпнул пригоршню, подержал, понюхал. Ничего. Выпил.

Через десять минут живот скрутило. Не сильно, но достаточно, чтобы он согнулся пополам и трижды вывернул наизнанку скудный завтрак из сушеной лепешки. Он вытер рот рукавом, сполоснул лицо в ручье и пошел дальше. Желудок ныл, но голова прояснилась. Лес не пытался его убить. Лесу было все равно. Это было хуже.

К вечеру он вышел к подножию Одинокой Скалы.

Он ожидал увидеть гору. Увидел стену. Серый, отвесный камень поднимался из леса без всякого предупреждения, без предгорий и склонов — просто земля заканчивалась, и начиналась вертикаль. Высота была не меньше ста чжанов. Поверхность — гладкая, с редкими трещинами и выступами, за которые можно было уцепиться, если у тебя пальцы из стали и нервы из веревок.

У Вэй Лина были три железных клина и пеньковая веревка.

Он сел у основания скалы, достал лепешку — последнюю — и начал жевать, не чувствуя вкуса. Сверху, откуда-то из-за кромки камня, доносился низкий, ритмичный звук. Не рык, не крик. Скорее, гул. Будто кто-то огромный и тяжелый дышал во сне.

Громовая Птица. Она там.

Вэй Лин посмотрел на свои руки. Пальцы, которые Чэнь Бо давил сапогом два дня назад, распухли и покрылись коркой запекшейся крови. Левая кисть сжималась с трудом. Он попробовал ударить клином по камню: железо звякнуло, оставив на скале белесую царапину, а в запястье стрельнуло так, что глаза затуманились.

«До утра», — решил он. Ночью лезть по стене с одной рабочей рукой — не смелость, а глупость. А мертвым он Мэйлинь не спасет.

Он забился в неглубокую выемку у подножия скалы, обложил вход сухими ветками — не от зверей, а чтобы хоть немного заглушить звуки леса, — и попытался уснуть. Не получилось. Гул сверху не прекращался. Иногда к нему примешивался треск, похожий на электрические разряды, от которого волосы на руках вставали дыбом.

Он лежал в темноте и думал об отце. О том, как старик будет сидеть один в остывшей кузне, ждать, пока сын вернется с заказа, которого не было. О том, что даже если Вэй Лин вернется с яйцом, клан Су всё равно может посмеяться ему в лицо. Кузнец с яйцом птицы. Что он с ним сделает? Подарит? Как? Он даже во двор клана войти не может.

Мысли крутились, не принося ответов. Под утро он всё-таки провалился в короткий, рванный сон.

Разбудил его не звук, а боль.

Что-то впилось ему в голень. Острое, тонкое. Он дернулся, сел, ударил наугад — и услышал тихий писк. Под ногой,

размазанный по камню, лежал скорпион длиной с ладонь, черный, с хвостом, загнутым двойной петлей. Жало вошло неглубоко, но место укуса уже горело, как от раскаленного гвоздя.

Вэй Лин достал нож, раскалил лезвие на последнем тлеющем угольке из своего маленького костра и прижал к ране. Запахло паленой кожей. Он зашипел сквозь зубы, но не закричал. В лесу кричать нельзя. Звук — это приглашение.

Нога одеревенела до колена. Он мог наступать на нее, но каждый шаг отдавался тупым жаром в бедре. Опухоль распространялась медленно. У него было несколько часов, прежде чем яд доберется до паха. Если доберется.

Он посмотрел на скалу. На свои руки. На одну почти рабочую ногу.

«Сейчас или никогда».

Первый клин вошел в трещину на высоте его головы с третьего удара. Вэй Лин накинул на него петлю веревки, подтянулся, нащупал выступ для правой ноги. Второй клин — выше, в узкую щель. Удар. Скольжение. Снова удар. Каменная крошка посыпалась в глаза. Он моргнул, потер лицо плечом, забил клин до упора.

Десять чжанов. Двадцать.

На тридцатом веревка предательски зашуршала по острому краю камня. Вэй Лин замер, прижавшись к стене всем телом. Если веревка перетрется, он упадет с высоты, с которой не выживают даже практики Закалки Тела. Он перевел

дыхание, переложил вес на ноги, осторожно высвободил веревку и продолжил.

На половине пути нога окончательно перестала слушаться. Он висел на трех конечностях, подтягиваясь руками и толкаясь одной ногой. Пальцы левой руки начали разжиматься сами по себе. Каждый хват приходилось проверять дважды, прежде чем переносить вес.

Пот лил в глаза. Гул сверху стал громче. Теперь он чувствовал его не только ушами, но и грудной клеткой — вибрация камня передавалась через ладони и колени.

Он не помнил, как преодолел последние десять чжанов. Помнил только, что в какой-то момент его подбородок уперся в ровный край, руки сами перемахнули через кромку, и он вывалился на плоскую каменную площадку, как мешок с мукой.

Лежал, уткнувшись лицом в теплый камень. Дышал. Нога не чувствовалась вообще. Левая рука не разжималась.

Потом он поднял голову.

Площадка на вершине была размером с комнату в их кузне. Посередине — гнездо из переплетенных ветвей и перьев, каждое перо длиной с его предплечье, темно-синее, с металлическим отливом. В гнезде лежало одно яйцо. Крупное, серое, покрытое сеткой тонких трещин, из которых сочился тусклый свет.

Птицы не было.

Вэй Лин поднялся на колени. Яйцо было в трех шагах. Он

мог доползти. Взять. Спустить вниз на веревке. Уйти.

Он сделал первый шаг.

Камень под ним вздрогнул. Не от птицы. От чего-то внутри скалы. Трещина, которую он принял за обычную щель в породе, расширилась с сухим треском. Из нее хлынул воздух — не ветер, а выдох. Горячий, сухой, с запахом озона и древней пыли.

Площадка накренилась.

Вэй Лин бросился к гнезду, но было поздно. Камень под его ногами раскололся по прямой линии, как разрубленный топором чурбак, и он полетел вниз. Не наружу, не к подножию скалы — внутрь. В темноту, которая оказалась глубже, чем сама гора.

Веревка захлестнулась за обломок, натянулась, дернула его за пояс. На мгновение он повис в пустоте. Потом обломок крошится, веревка соскальзывает, и он падает дальше.

Удар. Темнота. Тишина.

Когда он открыл глаза — через секунду или через час, он не мог определить, — вокруг не было ни света, ни звука. Только давление. Воздух здесь был другим: сухим, неподвижным, таким древним, что, казалось, его не касалось ничье дыхание с тех пор, как мир был молодым.

Вэй Лин попытался пошевелиться. Тело болело везде, но кости, кажется, были целы. Падение смягчило что-то внизу — то ли песок, то ли слой пепла. Он сел, ощупал землю. Мелкий, сухой прах.

И тогда он увидел свет.

Не сверху. Снизу. Из-под слоя пепла пробивалось слабое, пульсирующее свечение — красное, с черными прожилками, похожее на угли в почти потухшем горне. Оно билось ровно, с интервалом в два-три удара сердца. Как сердце.

Вэй Лин медленно разгреб пепел руками. Под ним оказался камень. Не обычный — черный, матовый, теплый на ощупь, с вырезанными на поверхности линиями, которые складывались в узор, не похожий ни на один из тех, что он видел в книгах или на талисманах сектантов. Линии расходились от центра, где в камне было углубление размером с ладонь.

В углублении лежал кристалл. Мутный, сероватый, размером с грецкий орех. Изнутри него шевелилось что-то темное. Не свет. Не тень. Что-то, что было ни тем, ни другим.

Вэй Лин потянулся к кристаллу. Не потому, что хотел. Не потому, что решил. Просто его рука сама двинулась вперед, как будто все семнадцать лет его жизни вели именно к этому жесту.

Пальцы коснулись поверхности.

Внутри его головы что-то открыло глаза.

Глава 4: Пробуждение Древнего

Удар о землю он почувствовал не сразу.

Сначала была темнота — плотная, тяжёлая, как вода на большой глубине. Потом давление. Воздух здесь был сухим

и неподвижным, с привкусом старой пыли и чего-то металлического, похожего на кровь, пролитую очень давно.

Вэй Лин попытался пошевелиться. Тело не слушалось. Где-то в груди хрипело, с каждым выдохом из угла рта вытекала тёплая жидкость. Он попробовал вдохнуть — рёбра ответили такой болью, что сознание на мгновение поплыло. Нога ниже колена не чувствовалась совсем. Руки лежали странно, под неестественными углами.

Он лежал на чём-то твёрдом и ровном. Под спиной — не песок, как он ожидал, а каменные плиты, мелкая, сухая пыль. Мешок, который он так старался прижать к себе при падении, отлетел в сторону. Он слышал тихое потрескивание — это лопалась скорлупа яйца Громовой Птицы, и из трещин сочилась густая лазурная эссенция, стекая по плитам к его руке.

Кровь и лазурный свет смешивались в тонкие ручейки, которые медленно текли куда-то вниз, в узкие желобки, прорезанные в камне.

Вэй Лин хотел повернуть голову. Не смог. Сознание уплыло, цепляясь за обрывки: лицо отца за столом с остывшей кашей. Мэйлинь у ограды, её испуганные глаза. Чэнь Бо, вдавливающий его пальцы в камни. Всё это казалось теперь очень далёким, чужим.

«Значит, не получилось», — подумал он без особой горечи. Усталость была сильнее страха.

Потом камень под ним ожил.

Не землетрясение — скорее, как если бы гигантское существо, погребённое под плитой, сделало первый вдох за очень долгое время. Пыль вокруг Вэй Лина взметнулась мелким облаком. Лазурные ручейки его крови и разбитого яйца, добежавшие до краёв плит, вдруг остановились и потекли обратно, к центру.

Из-под его лопатки проступило багровое свечение. Тусклое, пульсирующее в такт его собственному, почти угасающему сердцу.

Вэй Лин попытался приподняться на локте. Рука провалилась сквозь пыль, и пальцы нащупали не камень, а гладкую, тёплую поверхность с глубокими бороздами. Он не успел сообразить, что это, когда желобки под ним вспыхнули.

Сухой треск прошёл по залу. Потом ещё один. И ещё. Цепная реакция — словно кто-то зажигал фитили, уложенные тысячелетия назад. Багровый огонь побежал по концентрическим кругам, расходясь от того места, где лежал Вэй Лин, всё дальше, всё шире, пока не уткнулся в невидимые стены.

Плиты задрожали. Где-то в темноте, далеко над головой, с глухим звоном лопнула тяжёлая цепь. Потом вторая. Третья.

Вэй Лин наконец смог повернуть голову.

Там, где раньше была ровная каменная площадка, теперь возвышался край огромной чёрной стелы, всплывающей из пола, как спинка гигантского зверя. Обсидиан, матовый, почти живой на вид, был покрыт густой сетью символов — не иероглифов, не рун, которые он видел у сектантов, а чего-то

более древнего и непривычного. Линии сходились к центру, где в камне было углубление размером с ладонь.

Из этого углубления поднимался туман. Густой, багровый, с прожилками золота.

Вэй Лин хотел отползти. Тело не слушалось. Он мог только смотреть, как туман сгущается, складываясь в очертания, которые не должны были существовать.

Сначала — шлем. Массивный, с забралом, из-под которого не было видно лица. Потом — плечи, широкие, как горный хребет. Потом — руки, сжимающие древко невидимого копья. Фигура была огромной, она заполняла собой всё пространство над стелой, и Вэй Лину пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть её целиком.

Из прорезей забрала горели два солнца. Не метафорически — он видел в них то, что не должно было вмещаться в человеческий взгляд: рушащиеся города, горящие небеса, строй за строем уходящие в бой армии, которых он никогда не знал и не мог знать.

Внутри его головы что-то открыло глаза.

«Кто посмел», — сказал голос.

Это не было звуком. Голос возник прямо в черепе, тяжёлый, как камень, придавивший грудь. Вэй Лин почувствовал, как от этой фразы у него во рту выступила кровь.

Фигура медленно опустила голову. Два солнца в прорезях шлема уставились на него.

«Смертный. Без корня. С разрушенными каналами. Моя

печать пробита кровью этого червя».

В голосе не было удивления. Только холодная, тяжёлая ярость — такая, какой Вэй Лин никогда не чувствовал даже в Магическом Лесу. Это была ярость существа, для которого человеческая жизнь была меньше пылинки, и которое сейчас обнаруживало, что его темницу вскрыл именно такой пылинка.

«Я сожгу твою душу и возьму это тело», — сказал голос. — «Оно хрупкое, но пригодится».

Багровая нить потянулась от фигуры к его виску. Вэй Лин почувствовал, как что-то внутри него начало разматываться — не боль, а именно разматываться, словно кто-то тянул за нитку, которой был сшит весь он, от костей до мыслей.

Он попытался закричать. Не получилось.

Потом он подумал о Мэйлинь. Не о её лице — лицо уже плыло перед глазами. Он подумал о том, как она стояла у ограды и говорила: «Мне страшно». Он подумал о том, что обещал. И о том, что отец сейчас сидит в тёмной кузне и верит, что сын мёртв.

Что-то внутри него дёрнулось. Не мысль. Не решение. Просто отказ. Как когда Чэнь Бо давил его пальцы сапогом, и он не закричал. Как когда он лез по скале с одной рабочей рукой. Как когда он шагнул в лес, зная, что не вернётся.

Он не знал, как это называется. Он просто не согласился. Багровая нить остановилась.

Фигура в шлеме замерла. Два солнца в прорезях смотрели

на него долго, очень долго. Вэй Лин лежал в пыли, и кровь текла из угла его рта, и он не мог пошевелиться, и внутри него не было ничего, кроме этого тупого, упрямого несогласия.

«Какая дерзость», — сказал голос. И в нём впервые прозвучало что-то, кроме ярости. — «В тебе нет силы. В тебе нет ци. В тебе нет даже нормальных костей. Но ты оскалил зубы на меня».

Пауза.

«Я видел королей, которые ползали. Я видел богов, которые молили. А ты — червь с раздавленной грудной клеткой — ты не согласился».

Фигура медленно склонила голову.

«Мое тело уничтожено миллионы лет назад. Мой дух рассеивается в этом истощённом мире. У меня нет времени искать другого носителя. Либо я исчезаю сейчас, либо рискую».

Багровая нить от виска Вэй Лина не отступила, но и не двинулась дальше. Она застыла, ожидая.

«Сделка, червь. Я не стираю твою личность — твой разум слишком мал, чтобы вместить меня целиком, он просто лопнет. Мы станем одним. Моя память — твоей памятью. Мой гнев — твоим гневом. Мои знания — твоим оружием. Плата — твоя спокойная жизнь. Отныне твой путь — война».

Вэй Лин не кивнул. Не ответил. У него не было сил ни на то, ни на другое. Но он и не отстранился.

Этого было достаточно.

Фигура в шлеме распалась. Не взорвалась — скорее, рассыпалась, как старая кладка, и миллиарды багровых рун и золотых нитей хлынули в его тело.

Он закричал. В этот раз получилось.

Боль была не такой, как при ударе или ожоге. Это было ощущение, что его разбирают на части и собирают заново, причём собирают неправильно, и он это чувствует, но не может ничего изменить. Рёбра вставляли на место с сухим хрустом, который он слышал внутри собственного черепа. Разорванные мышцы стягивались, и в них вливалась новая, тяжёлая кровь, не похожая на ту, что была раньше.

Самое страшное происходило внутри. Каналы, забитые с рождения, которые сфера на отборе назвала мусором, начали лопаться и пересоздаваться. Это было похоже на то, как если бы по высохшему руслу ручья пустили океан. Вэй Лин чувствовал, как его меридианы рвутся, и на их месте возникают другие — шире, жёстче, с чужой, нечеловеческой структурой.

В голову хлынуло. Не память — слишком слабое слово. Тысячи лет боёв, схемы построения армий, которых не существовало в империи, формулы, которые он не смог бы прочесть, техники, от которых у него начинало двоиться в глазах. Он чувствовал, что разум трещит по швам, и только что-то очень тяжёлое и очень древнее внутри него удерживает это всё от рассыпания.

Потом стало тихо.

Вэй Лин лежал на полу. Он дышал. Рёбра больше не хрипели. Нога ниже колена — он осторожно пошевелил пальцами — слушалась.

Он сел. Медленно, без рывка. Тело двигалось иначе, чем раньше. Не легче — тяжелее, словно в каждой кости появилось что-то лишнее. Он посмотрел на свои руки. Кожа была чистой, без кузнечных ожогов, с бронзовым отливом, которого раньше не было. Под ней, когда он сжимал кулак, пролетали тусклые багровые искры.

Рядом валялся мешок. Он развязал его дрожащими пальцами. Внутри, среди осколков скорлупы, лежало небольшое, размером с грецкий орех, ядрышко — лазурное, с застывшими внутри ниточками молний. Остаток яйца, который стела не успела поглотить.

Он спрятал его в карман.

Потом поднялся на ноги.

Зал вокруг был пуст. Обсидиановая стела стояла расколотой, цепи вокруг неё лежали разорванными, и от неё больше не исходило никакого свечения. Багровый свет, который он видел в начале, втянулся — куда-то в него.

Вэй Лин сделал шаг. И остановился.

Внутри его головы, на самом дне, где раньше был только его собственный голос, теперь было ещё кое-что. Не присутствие. Не голос. Скорее, ощущение, что он больше не один в собственной черепной коробке.

Он не знал, что с этим делать. Он стоял в древнем, пыльном зале, с разбитым мешком за плечами и лазурным камнем в кармане, и слушал тишину внутри себя.

Тишина была не пустой.

Глава 5: Два разума, одна судьба

Тишина в подzemелье была не пустой. Она давила, как вода на глубине, и пахла пылью миллионов лет.

Вэй Лин стоял посреди руин, окружённый обломками обсидиановых плит. Он не чувствовал боли от падения — напротив, тело казалось чужим: лёгким, собранным, наполненным незнакомой плотностью, которая вибрировала в каждой мышце.

— Итак, смертный... ты выжил.

Голос раздался не снаружи. Он шёл из центра черепа, отдельный, властный и тяжёлый, как камень на груди.

Вэй Лин вздрогнул, инстинктивно оглядываясь. Потом вспомнил: падение, стела, слияние. Это не было сном.

— Кто ты? — вслух спросил он. Голос эхом отразился от невидимых сводов, и в нём самому послышалась странная, пугающая глубина.

«В ушедшую эпоху меня звали Син Тянь. Глава Воинства Изначального Хаоса». В ментальном голосе не было гордости — только усталая, сухая констатация. «Сейчас я лишь эхо. Память, сплавленная с твоей душой. Мы делим это тело, мальчик. Твоя смерть — моя окончательная гибель».

Вэй Лин зажмурился. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором развернулся океан утерянных знаний. Формулы древних эликсиров, схемы построений армий, секретыковки оружия божественного ранга. Всё это теперь принадлежало ему — он знал эти техники так, словно практиковал их веками.

Он попытался мысленно «потянуть» за одну из самых ярких багровых рун — технику под названием «Девять Кругов Истребления Небес».

Меридианы отозвались резкой вспышкой боли. Из рта вырвался тяжёлый кашель.

— Глупец.

Син Тянь не повышал голоса. В его тоне было только хирургическое презрение.

— Ты пытаешься черпать океан через соломинку. Да, я исцелил твою плоть. Укрепил твои кости своей эссенцией — они прочнее, чем у любого практика Закалки Тела в твоём ничтожном городишке. Но твои духовные каналы пусты. В тебе нет ни единой капли очищенной ци. Ты подобен нищему, который знает, где зарыты сокровища императора, но у него нет даже лопаты.

Вэй Лин открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они больше не были бледными, покрытыми кузнечными ожогами. Кожа стала чистой, упругой, с едва заметным бронзовым отливом. Под ней угадывался рельеф жёстких, сухих мышц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.